

Из истории международных академических научных связей 1970-х годов. Москва — Троице-Сергиева лавра — Москва. Воспоминания

В советскую эпоху, особенно в 1960–1970-е годы, в Академии наук СССР весьма интенсивно развивалось международное научное сотрудничество. Для его организации и успешного осуществления (в самых разных формах) при Президиуме АН СССР было создано специальное Управление внешних сношений (УВС).

В этом сотрудничестве принимал участие и Институт славяноведения (в то время — Институт славяноведения и балканистики АН СССР), в планах которого было несколько совместных проектов с зарубежными Академиями и отдельными институтами. В рамках межакадемического сотрудничества в СССР для научной работы приезжали ученые из славянских стран. Принимали их всегда очень тепло и радушно, как дорогих гостей, поселяли в академической гостинице, устраивали необходимые им встречи. А для того, чтобы облегчить им ориентацию в «московском пространстве» и работу в библиотеках и архивах, к ним на время командировки прикрепляли так называемых сопровождающих — из числа ученых Института, как правило, молодых, знающих хотя бы один славянский язык, в том числе разговорный.

Мне, ставшей сотрудницей Института в июне 1971 г. (сразу после окончания кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова), практически с первых месяцев моей новой, трудовой жизни пришлось участвовать в сопровождении югославских ученых, влившихся в

дружную команду старших коллег, уже имевших немалый опыт в этом виде научно-организационной деятельности.

Мои воспоминания относятся к одному незабываемому событию конца 1972 г. с участием югославских ученых, событию настолько необычному и яркому, что и по прошествии 46 лет оно представляется во всех мельчайших деталях, как удивительный подарок судьбы. В этом событии принимали участие замечательные люди, которых, увы, уже нет среди нас. Так что мой рассказ — это и дань их светлой памяти.

В конце 1972 г. в нашей стране отмечалась значимая круглая дата — 50-летие образования СССР, отмечалась помпезно, масштабно, с имперским размахом. И Академия наук, разумеется, не осталась в стороне от этого «действия»: на 30 ноября было запланировано провести в Москве торжественное заседание под председательством тогдашнего президента АН СССР М.В. Келдыша — с участием представителей Академий наук (президентов и вице-президентов) и видных ученых из многих стран.

Подготовка к этому мероприятию была проведена на самом высоком уровне. На всех ее этапах партийно-государственные структуры оказывали организаторам всяческую помощь. С финансовыми затратами не считались. Да иначе и быть не могло — в те годы в моде была монументальная парадность. К тому же авторитет науки и ее флагмана АН СССР в стране был непрекращаем, что наглядно продемонстрировали праздничные мероприятия. Так, многочисленные гости, прибывшие в Москву для участия в торжествах, были размещены в одноместных номерах самой престижной в то время гостиницы «Россия» — с видом на Кремль и Красную площадь (ныне она уже не существует — на ее месте открыт городской чудо-парк с разными современными диковинами). К услугам гостей, для передвижения по городу и его окрестностям, были предоставлены не привычные автобусы, а престижные черные «Волги», а для особо важных персон — машины правительственного уровня «Чайка». В гостиничном ресторане было обеспечено потрясающее трехразовое питание (с вином, пивом, многочисленными десертами). Всё остальное было в том же духе. По желанию гостей очень оперативно организовывались самые разные экскурсии (по городу, в Кремль,

в Алмазный фонд, в панораму «Бородинская битва» и т.д.), посещения лучших театров, музеев, концертных залов, цирка и, конечно, академических институтов, в том числе находящихся в подмосковных научных городках. Причем, все эти блага, включая роскошные приемы и банкеты, были абсолютно бесплатны.

Из всех республик бывшей Югославии (в то время единой) в Москву приехало 10 человек, к каждому из которых был прикреплен свой сопровождающий — из числа сотрудников Института славяноведения (с обязательным знанием сербско-хорватского языка); в их числе были и историки, и филологи. Эту научно-организационную нагрузку мы между собой называли «славянской мобилизацией». Конечно, она была для нас весьма нагрузочной, но тем не менее очень интересной и полезной, так как предполагала не только знакомство с выдающимися, незаурядными представителями югославской научной элиты, но и отличную языковую практику.

Следует отметить, что обычно, не в торжественные моменты, мы без труда справлялись с «мобилизацией». Но на этот раз, в связи с масштабностью и грандиозностью мероприятия, происходило что-то из ряда вон выходящее. Задолго до торжеств нас неоднократно вызывали в УВС на так называемые «инструктажи», и всевозможные начальники рассказывали нам суровыми голосами, что и как мы должны делать, а чего не делать ни в коем случае. Последующие же события напоминали фронтовые. В гостинице «Россия» был создан «штаб», где круглосуточно дежурили сотрудники УВС, куда стекалась вся необходимая информация, где принимались ежедневные устные отчеты, издавались и распространялись инструкции, оперативно принимались решения. От нас, сопровождающих, требовались: работа на пределе сил в условиях ненормированного рабочего дня (в 8:30 утра мы уже должны были быть в гостинице для «инструктажа»), предельная четкость, ответственность и профессионализм, а также хорошее настроение, доброжелательность, интеллигентность и приличный внешний вид, как и положено советскому ученому. При этом нам каждодневно внушали, что мы должны глубоко ощущать огромное политическое значение мероприятия и, в случае необходимости,

давать решительный отпор идеологическим проискам врагов социализма и коммунизма.

Кстати, во время любой сопроводительной «мобилизации», длившейся иногда до месяца, о служении чистой науке приходилось забыть, ибо для этого уже не было ни времени, ни сил. Но мы в те годы в общем-то не сетовали — надо так надо!

А тогда, в ноябре 1972 г., мне при «распределении» югославских гостей было поручено сопровождать вице-президента Сербской академии наук и искусств (САНУ) академика Душана Каназира (по специальности он был микробиолог). Остальные мои коллеги по Институту стали сопровождающими представителей других академий бывшей Югославии — Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Югославская делегация была очень представительной, тем более что гостям разрешалось приезжать с супругами.

Сербию, помимо Душана Каназира (1921–2009), представлял известный ученый-историк из Института балканистики в Белграде др. Неманя Маджарович. К нему в качестве сопровождающего «прикрепили» сотрудника сектора, в котором трудилась и я (новой истории балканских народов), моего старшего коллегу-югослависта Виктора Петровича Грачева (1926–2010), специалиста по средневековой истории Сербии и русско-сербским отношениям в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг.

Виктор Петрович был хорошо знаком с Н. Маджаровичем, так как с конца 1960-х годов неоднократно бывал в научных командировках в Югославии, и у них, участников Второй мировой войны, сложились по-настоящему дружеские отношения.

В конце ноября гости Академии начали дружно прибывать в Москву — по одному и целыми делегациями.

Югославы, помимо участия в торжественном заседании, 29 ноября посетили прием, который ежегодно в этот день, по случаю государственного праздника «День Республики», устраивало посольство СФРЮ в Москве. И вот во время этого приема Н. Маджарович случайно встретил своего русского знакомого, сотрудника аппарата ЦК КПСС, курировавшего связи с православной церковью. Данный товарищ, незадолго до этой встречи, находился в служебной командировке в Югославии, и

Неманя Маджарович, являвшийся в то время членом Комитета Сербской Народной скупщины по вопросам религии и церковных учреждений, сопровождал его в поездке по самым известным православным монастырям, в том числе в Воеводине и Косове. По словам Н. Маджаровича, цекковский аппаратчик был в неописуемом восторге от этого путешествия и теплого приема единоверных братьев-славян, их радушия и хлебосольства, не говоря уже о красотах природы, ибо все сербские монастыри расположены в сказочных местах. И он клятвенно пообещал, что когда Неманя приедет в Москву, он обязательно устроит «дорогому югославскому другу» такой же незабываемый визит в Троице-Сергиеву лавру. Удивительно не это обещание, а то, что товарищ из ЦК о нем не забыл (спустя несколько месяцев!) и, действительно, в кратчайшие сроки всё организовал и, забегая вперёд, скажу, — на очень высоком уровне.

Милый Неманя, интеллигентный, воспитанный русофил, благородно замолвил словечко не только за своего академического начальника Душана Каназира, но и за нас, своих сопровождающих, — меня и Виктора Петровича Грачева, заявив, что без переводчиков визит в Лавру не будет полноценным и конструктивным (хотя и тот, и другой знали русский язык).

И вот уже через несколько дней, а именно 4 декабря, ранним утром, мы четвером отправились в Загорск — так тогда назывался Сергиев Посад. Во всемирно известном центре православия в этот день отмечался большой церковный праздник — день введения во храм Пресвятой Богородицы.

До Лавры мы доехали очень быстро — в то время, как ни трудно в это поверить, никаких «пробок» на дорогах не было — ни в городе, ни в области. Наши югославские гости не скрывали своего удивления, когда встречавшиеся по пути милиционеры отдавали честь при виде нашей машины. И это понятно, ведь на «Чайках» ездили тогда только очень большие начальники из ЦК КПСС и правительства.

У центральных ворот Троице-Сергиевой лавры нас встретил приятного вида священник, отрекомендовавшийся нашим сопровождающим и гидом по монастырю. Сначала он ознакомил нас с его историей, архитектурой и некоторыми святыня-

ми, а затем мы посетили праздничную службу в главном храме. Помню, всех поразило огромное число истово молящихся верующих (и это в атеистическом государстве да еще в будний день). В храме, что называется, яблоку негде было упасть, но нас провели вперед, к алтарю, я так поняла, — на почетное место, предназначенное для высоких гостей. Было видно, что наша группа вызывает всеобщий интерес — два седовласых, благообразных, европейского вида господина (Н. Маджарович и Д. Каназир), коренастый крепкий мужчина средних лет с приятным румяным лицом (В.П. Грачев) и молоденькая девочка в фасонистом длинном (по моде тех лет) черном пальто на красной подкладке (это я).

После службы наш гид-священник вновь повел нас куда-то. Мы думали — в трапезную, потому что подошло время обеда и всем уже хотелось есть. Оказалось, что обедать мы, действительно, будем, но не в общей трапезной, а в покоях самого владыки Филарета, тогдашнего ректора Духовных школ — семинарии и академии, находившихся в отдельном, внушительных размеров здании. (Это еще раз говорило о высоком уровне приема нашей делегации.)

Внутри здания нас встретили сам владыка, солидной комплекции жгучий брюнет лет сорока, похожий на грека, и молодой игумен монастыря отец Валентин, высокий, красивый, с изысканными манерами и бархатным голосом. Они поприветствовали нас какими-то нестандартными, душевными словами и предложили перед обедом совершить небольшую экскурсию по музею Духовных школ. Мы, разумеется, согласились и не пожалели, ибо в этом хранилище были собраны редчайшие иконы в драгоценных окладах, предметы церковной службы и быта, старинные книги и рукописи — словом, сплошные редкости. Хранитель музея, также священник, с огромным энтузиазмом давал пояснения по поводу экспонатов и отвечал на наши вопросы. Затем он показал нам находившуюся в здании небольшую церковь, где семинаристы проходят обучение, после чего сопроводил в трапезную, где за уже накрытым столом нас ожидали наши радушные хозяева — владыка Филарет и отец Валентин.

Продолжался рождественский пост, поэтому и еда была соответствующая — без мяса. Но при том обилии закусок и блюд (грибы всех видов, красная и черная икра, соленья, свежие огурцы и помидоры, а также уха из осетрины, осетрина отварная в каком-то вкуснейшем соусе) этого и не требовалось. Стол, что называется, ломился. К тому же на нем стройными рядами теснились кувшины с монастырскими квасами и морсами и бутылки — с винами, коньяком и водкой. Словом, пир с монастырским размахом.

Тамадой за столом был сам владыка Филарет. Гости следовали один за другим — за здоровье присутствующих, за мир и дружбу, за славянское взаимопонимание, за новые встречи и т.д. Было видно, что энергичный и жизнерадостный ректор Духовных школ весьма опытен по части приема всевозможных гостей. (Кстати, как он нам сказал, вечером того же дня они ожидали в Лавре еще одну делегацию!) Неловкость и скованность, которые еще присутствовали в начале обеда, вскоре исчезли без следа, даже у меня, чувствовавшей себя не очень уверенно и комфортно в мужском монастыре и в чисто мужской компании. Настоятель монастыря отец Валентин в основном налегал на еду и напитки и был улыбочив, но немногословен. А владыка Филарет, напротив, приняв изрядное количество горячительного, заливался соловьем, рассказывал анекдоты и так и сыпал остроумными шутками. Я смотрела на него и искренне изумлялась его артистизму и обаянию. Наши мужчины — югославы и Виктор Петрович — тоже пребывали в благодушно-прекрасном настроении, а Душан Каназир (напомню, вице-президент САНУ и известный микробиолог) сначала вдруг запел, а потом спросил (по-русски, а до этого говорил только по-сербски) у владыки Филарета, что тот думает по поводу любви, при этом хитро мне подмигнув. Однако ректор Духовных школ, сразу видно, опытный в дискуссиях по любому вопросу, даже в состоянии некоторого опьянения, четко контролировал ситуацию и в ответ пустился в пространные рассуждения о любви к Богу. Так что «провокация» со стороны расслабившегося югославского академика не удалась.

В общем, дружеский обед, длившийся чуть ли не до ужина, удался на славу. В заключение нам с наилучшими пожелания-

ми были вручены сувениры — памятные серебряные медали и красочные альбомы с видами Лавры.

По правде говоря, всю вторую половину обеда мне, единственно трезвой в нашей компании, было не до веселья — радоваться жизни не давала мысль о том, а как же я через весь монастырь поведу к «Чайке», оставшейся у центральных ворот, троих не очень трезвых, достаточно крупных мужчин — расстояние-то было весьма значительным. Виктор Петрович, сидевший за столом рядом со мной, видимо, почувствовал мое напряжение и, осознав его причину, с благодушным видом шепнул мне: «Светик, расслабьтесь, всё будет хорошо, священники что-нибудь придумают — чай, не в первый раз». И он оказался прав. Когда мы, сопровождаемые нашими хозяевами, вышли из здания Духовных школ, прямо у последних ступенек лестницы стояла «Чайка» и водитель уже предупредительно распахнул для нас дверцы (и это при том, что проезд машин внутрь монастыря был запрещен)! У меня не было слов для выражения восхищения и благодарности!

На обратном пути все громко восторгались нашим путешествием, в том числе и водитель «Чайки», которого, оказывается, тоже накормили обедом в трапезной вместе с монахами, не таким роскошным, как нас, но, по его словам, обильным и вкусным, так что он был вполне доволен. Кстати, водитель также удивился, что ему разрешили заехать на территорию Лавры. Потом он даже шепотом спросил меня, не друзья ли самого Брежнева (в то время — лидер Советского Союза) «эти югославы — уж больно шикарно их принимали».

До Москвы мы добрались очень быстро. Все постовые милиционеры по пути, по-прежнему, согласно существовавшим правилам, отдавали пассажирам «Чайки» честь. Наши югославские гости были очень довольны — это было видно по их утомленным, но счастливым лицам. Затем они заявили (видимо, под действием принятых в Лавре крепких напитков), что мы не должны расставаться так рано (был уже поздний вечер!) и что нам всем вместе нужно пойти в ресторан и отметить такое замечательное событие, о котором мы будем теперь вспоминать всю оставшуюся жизнь. С последним тезисом мы с Виктором

Петровичем были абсолютно согласны, но продолжать праздновать мягко, но решительно отказались, сославшись на усталость и домашние дела.

Мы благополучно доставили неугомонных югославских ученых в гостиницу, отпустили водителя, а сами с Виктором Петровичем пешком отправились до метро «Проспект Маркса» (ныне — «Охотный ряд»). Было не очень холодно, порхал легкий снежок, мы наслаждались неповторимой атмосферой центра нашей любимой Москвы и делились своими впечатлениями. Помню, Виктор Петрович сказал: «Как замечательно, что судьба подарила нам этот день. Уверен, что больше до конца нашей жизни у нас не будет такого приключения». И он оказался прав!

С тех пор мы с Виктором Петровичем подружились. Впоследствии он не раз помогал мне советами в моей научной работе, и я была ему очень благодарна за это. И никогда не забывала тот день 4 декабря 1972 г., когда мы вместе с югославами ездили в Лавру. Обычно сдержанный, немногословный и не очень заметный в секторе, где работало много талантливых, ярких и весьма активных личностей, Виктор Петрович показал себя с самой лучшей стороны — и как профессионал, и как настоящий друг. Он интуитивно понял, что мне, несмотря на внешнюю браваду и бойкую манеру поведения, нелегко даются эта поездка и общение с новыми людьми да еще в монастыре, — тогда это была для нас другая планета. И он, как мог, поддерживал, опекал и подбадривал меня — добрыми словами, приветливой улыбкой, своим мягким юмором. И я быстро почувствовала, что я не одна, что мы с ним — единая команда, а, значит, всё будет хорошо.

В последующие годы мы много общались с Виктором Петровичем — и в Институте, и во время командировок в Югославию, и у него дома — по случаю его юбилеев, где нас радушно принимала его преданная жена Вера Ивановна. И мы всегда вспоминали с ним про нашу поездку в Лавру. При этом Виктор Петрович всякий раз искренне восхищался моей памятью, как он говорил, «памятью сердца» (сам он уже какие-то детали стал забывать), и при этом убеждал: «Светик, вы так замечательно

рассказываете, что обязательно должны про это написать. Ведь это тоже история — наших связей с Югославией, академической науки, история нашей жизни!» В таких случаях я обычно отнекивалась, ссылаясь на занятость и нехватку времени, но клятвенно обещала ему когда-нибудь в будущем выполнить его пожелание.

И вот теперь я сдержала свое слово — в память фронтовика, ученого, старшего коллеги и друга, Виктора Петровича Грачева, а также в память наших замечательных сербских друзей — Немани Маджаровича и Душана Каназира.